

Царицы и царицы изъ дома Романовыхъ

1913 годомъ закончилось (21 февр.) 300-лѣтіе со дня избранія дома Романовыхъ, смѣнившихъ на русскомъ престолѣ Рюриковичей. Историческая литература задалась цѣлью прослѣдить ходъ событій за время правленія Романовыхъ и сдѣлать надлежащую оцѣнку дѣятельности правителей изъ этого дома и тѣхъ благъ, какія Россія подъ ихъ скиптромъ перенесла. Мы съ своей стороны задались цѣлью дать хотя краткій обзоръ и картину жизни женщинъ—царицъ и царицъ изъ дома Романовыхъ, что можетъ отчасти пополнить общіе юбилейные очерки.

Въ жизни русской женщины вообще нельзя не отмѣтить трехъ періодовъ довольно рѣзко различающихся между собою: *языческій* съ его богатырскимъ эпосомъ, въ которомъ женщина не уступаетъ мужчине въ силѣ, ловкости и независимости; *христіанскій*—когда, подъ вліяніемъ византійской аскетической словесности и отрицательнаго взгляда на женщину, произошло полное раздѣленіе половъ и замкнутость женщины, чего не допускала простота языческаго быта; третій періодъ—*западнаго вліянія*, когда въ русскую жизнь и въ жизнь русской женщины проникъ болѣе свободный взглядъ и она вышла изъ своего затвора—терема—на широкое поприще общественной жизни.

Наши первыя историки (Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ) не проходятъ молчаніемъ положенія русской женщины въ разное время въ жизни русскаго народа. Позднѣйшіе историки отводятъ ей также много мѣста. Но особенно подробно коснулся быта русскихъ женщинъ вообще, и быта русскихъ царицъ (въ XVI и XVII вв.) въ

особенности, И. Е. Забѣлинъ, который даетъ намъ живую и законченную картину женской доли въ царскомъ теремѣ и затворнической жизни русской женщины вообще, сложившейся вполнѣ къ началу XVI в. и вылившейся затѣмъ въ нѣкотораго рода настоящей словесно законодательный памятникъ въ „Домостроѣ“ (приписываемомъ попу Сильвестру, при Иванѣ IV).

Постараемся же передать въ самыхъ краткихъ чертахъ ту обстановку, въ какой жили царицы и царевны рускія начиная съ XVI в.

Глава первая.

Жизнь въ царскомъ теремѣ: моленія, выѣзды, приемы. Роскошь въ одеждѣ и обстановкѣ. Времяпрепровожденіе и новшества. Смерть и погребеніе царицъ.

I.

По „Домострою“ требовалось: „по вся дни утре, вставъ, Богу помолиться и отпѣти заутрення и часы“, а въ воскресные и праздничные дни, молебень и святымъ каженіе“; вечеромъ повечерница и полунощница, послѣ чего нельзя уже „ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, а ложася спати по три поклона въ землю передъ Богомъ положить“. Въ полночь же, „тайно вставъ, со слезами прилежно Богу помолиться о своемъ согрѣшеніи“. При началѣ всякаго дѣла прежде „святымъ поклониться трижды въ землю и прочитати молитву Достойно“; также надо молиться передъ пицей и послѣ нея. Церковниковъ, нищихъ, странниковъ принять въ свой домъ, накормить и согрѣть; милостыню давать „и въ дому, и въ торгу и на пути“; въ монастыри съ милостынею и съ кормлею приходить; „а въ темницахъ и убогихъ и больныхъ посѣщай и милостыню по силѣ давай“.

Съ этою первою заповѣдью Домостроевской мудрости, молодая царевна, избранная изъ огромнаго числа (1500 для Василя III) русскихъ дѣвушекъ, доставленныхъ „безъ утайки“ со всѣхъ концовъ Московскаго государства въ Москву,—входила въ теремъ царскій. И въ этомъ обычаѣ выбора царской невѣсты видно также вліяніе Византіи. Императрица Ирина подобнымъ же способомъ выбрала невѣсту для своего сына (Константина), съ которымъ вмѣстѣ царствовала. Иванъ IV изъ 2000 дѣвицъ выбралъ сначала 25, потомъ 12 и наконецъ вторую свою жену (Марѳу Собакину), дочь купца новгородскаго.

Получивъ отъ царя ширинку (платокъ) и кольцо, царская невѣста вводилась торжественно въ царскіе хоромы, гдѣ она до свадьбы оставалась на попеченіи боярынь и постельницъ, въ числѣ которыхъ была и мать, или тетка избранной. Здѣсь совершали обрядъ нареченія *царевною*, возлагая на голову царскій дѣвичій вѣнецъ, иногда давалось и особое царское имя (Марья Хлопова названа была въ честь первой Романовой—Анастасіей) и приказывалось поминать новореченную въ молитвахъ по всеѣмъ церквамъ, послѣ чего даже отецъ не смѣлъ иначе называть свою дочь, какъ „великою государынею царицею“; но это не мѣшало, однако, новымъ родственникамъ получать вотчины, возвышаться надъ родовитыми боярами и играть первую роль при царскомъ дворѣ, вызывая зависть и интриги среди бояръ, отъ которыхъ страдала больше всего сама царица. Въ счастливомъ и замкнутомъ ея теремѣ царскомъ, среди раболѣпства и ласкательства, скрывались и ея первые враги, которые самое легкое нездоровье ея облекали въ опасную форму заразной болѣзни, опасной для самого царя. Въ особенности это губительно отражалось на первыхъ же шагахъ невѣсты царской и сколько примѣровъ было яко бы порчи этихъ послѣднихъ: Марія Собакина, умершая черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы, объявлена была испорченной, будучи еще невѣстой; хорошо извѣстна страшная судьба Маріи Хлоповой, заподозрѣнной въ порчѣ и сосланной въ Сибирь со всей своей семьей, а позже оказавшейся совершенно здоровой и переведенной въ Н.-Новгородъ съ удвоеннымъ содержаніемъ; Евфросинья Всеволожская первая невѣста ц. Алексѣя Михайловича, вслѣдствіе легкаго обморока, объявлена была подверженной падучей болѣзни и сослана съ семьей въ Сибирь, что впрочемъ приписано было проискамъ Бориса Морозова, прочившаго въ царицы одну изъ дочерей Милославскихъ, а на другой онъ женился самъ, чтобы породниться съ царемъ и сохранить свое вліяніе при дворѣ. При выборѣ второй жены ц. Ал. Мих., Наталіи Нарышкиной, найдены были подметныя письма передъ Грановитой палатой, съ наговорами и производилась расправа.

Но и кромѣ этого страха передъ порчей, царицу послѣ брака преслѣдовалъ другой, чуть ли не бѣльшій страхъ передъ неплодіемъ“. Царица должна была дать наслѣдника царю и царству. Если у нея не было дѣтей, или рождались только дѣвочки, которыя съ замужествомъ терялись въ чужихъ родахъ, то царица съ великимъ плачемъ и даже „рыданіемъ до иступленія ума“ молилась дома и въ церквахъ, вмѣстѣ съ царемъ предпринимала обѣтныя путешествія по монастырямъ, угодникамъ и чудотворцамъ, расточала богатства нищимъ, украшала св. иконы, дѣлала по монастырямъ вклады для непрестаннаго моленія о

дарованіи чадъ и т. п. Если молитвы ея не были услышаны и она продолжала оставаться неплодной, то мужъ ее уговаривалъ поступить въ монастырь и женился на другой. Такъ Василій III послѣ 20 лѣтъ супружества, постригъ свою первую жену Соломону (Сабурову) помимо ея воли. Чтобы помочь бѣдѣ въ такомъ случаѣ царица прибѣгала и къ знахарству, врачами ея были вѣдуны и вѣдьмы; а о Соломонидѣ распространили слухъ, что она вскорѣ послѣ постриженія родила (сына Георгія) и по этому поводу производилось дознаніе. Забѣлинъ называетъ это „первой попыткой поставить самозванца“. Такія перипетіи создавала придворная жизнь вообще и жизнь царицы въ частности. Когда же вторая жена Василя III (Елена Глинская) послѣ четырехъ съ лишнимъ лѣтъ странствованій по монастырямъ, родила наконецъ сына Ивана (IV), то радость была неописуема и ученики Пафнутія Боровскаго, моленіямъ котораго приписывалось рожденіе царевича, были воспріемниками, а крестили новорожденнаго у мощей Сергія въ Троицкой лаврѣ.

Войдя въ свой царскій теремъ, царица въ буквальномъ смыслѣ слова скрывалась отъ постороннихъ взоровъ; при встрѣчѣ съ царицей всѣ падали ницъ; даже врачъ не могъ лицезрѣть ее и при входѣ его занавѣшивались окна, а руку при изслѣдованіи пульса окутывали кисеей. Возки (сани) и кареты, въ которыхъ выѣзжала царица въ церкви и монастыри на богомолье, занавѣшивались непроницаемыми тканями и охранялись въ пути многочисленными стражниками. Въ одной народной пѣснѣ дается такая картина царицынаго выѣзда:

Впереди идутъ лапотники, (чистятъ дорогу лопатами)
 За лапотниками идутъ метельщики, (метутъ)
 За метельщиками идутъ суконники,
 Разстилаютъ сукна оданцовыя...

Сами выѣзды совершались часто по ночамъ или раннимъ утромъ; при входѣ въ церковь, царица „ограждена была красными сукнами скрытно“ и въ самой церкви стояла за особыми загородками и занавѣсами.

Но, охраняемая такимъ образомъ отъ взоровъ народа, царица все же не могла отказать себѣ въ удовольствіи созерцанія торжественныхъ церковныхъ церемоній, приемовъ иностранныхъ пословъ, торжественныхъ царскихъ обѣдовъ и одна смотрѣла на эти общественныя собранія „потайно“, изъ оконъ Грановитой палаты вмѣстѣ съ семействомъ и другими приближенными боярынями и боярышнями, или изъ особой

палатки, нарочно для этого устроенной надъ входными дверями той же палаты. Такимъ образомъ общественная жизнь не была скрыта отъ очей царицы, лишь сама она скрывалась отъ очей публики. Если царь, слѣдуя Домострою, не упускалъ ни одного церковнаго служенія, ибо „молитва царя была олицетвореніемъ молитвы самого царства“, то царица вслѣдствіе болѣзни своей или болѣзни мужа и дѣтей, по случаю родинъ и т. п. весьма часто не присутствовала на церковныхъ службахъ, равно и царицы. Чаше другихъ церквей царица посѣщала свою домашнюю церковь Вмч. Екатерины, посылавшей облегченіе въ трудныхъ родахъ; на Сѣняхъ въ соборѣ Рождества Богородицы былъ предѣлъ во имя св. Никиты Столпника Переяславскаго, молитвами котораго былъ рожденъ у ц. Ивана Вас. царевичъ Иванъ, храмъ Зачатія св. Анны, на углу Китай-города, эти храмы чаше другихъ посѣщались царицами. Въ болѣзняхъ и скорбяхъ къ нимъ проносились чудотворныя иконы и служились молебны съ водосвятиемъ... Посѣщенія храмовъ и монастырей сопровождалась щедрою раздачею милостыни. Но, если царица вообще не присутствовала на торжественныхъ праздничныхъ службахъ, то все же слѣдовала такимъ обрядамъ, какъ церковное освященіе воды (1 авг.), когда самъ царь погружался въ Иорданъ на Москвѣ рѣкѣ, подъ Симоновымъ монастыремъ и царица также совершала погруженіе въ своемъ с. Рубцевѣ, на прудахъ.

Въ большіе праздники Рождества Христова, на Пасху, по случаю именинъ царскихъ, рожденія царевичей и царицъ, у царицы бывали также торжественныя приемы въ Золотой царицыной палатѣ, или въ Столовой и Передней палатахъ; царица сидѣла за особымъ столомъ, а по сторонамъ у стѣнъ палаты, размѣщались приглашенныя; причемъ родная мать, тетка, сестра садились ближе къ царицѣ, затѣмъ шли болѣе важныя боярыни, соблюдавшія тѣ же обычаи мѣстничества, какіе бывали между именитыми боярами у царя; между прочимъ соблюдалось и извѣстное родственное старшинство съ царемъ; такъ за столомъ у царицы Евдокіи (Стрѣшневой) первое мѣсто занимала Ульяна Ѳед. Романова, жена родного дяди царя, Ивана Никитича, а мать самой царицы занимала седьмое мѣсто. Съ приходомъ царя, къ царицѣ приходилъ и патріархъ славить Христа и подносить кресты и дары; вмѣстѣ съ патріархомъ и духовенствомъ царица принимала и бояръ, окольныхъ, стольниковъ и др. А когда царица (напр. 26 марта 1665 г.) по случаю скоро ожидаемаго рожденія царевича (Симеона), не могла самолично совершать приемъ, то 11-лѣтній царевичъ Алексѣй Ал. замѣнялъ ее въ этомъ случаѣ. У государя стоялъ кравчій, у царицы — кравчая боярыня; прислуживали царицыны стольники изъ

малолѣтнихъ дѣтей боярскихъ. Въ обыкновенные дни царь, если у него не было приѣма, обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ царицею. Отъ царицына стола, какъ и отъ царскаго, также посылались подачки роднымъ, близкимъ, патриарху, митрополитамъ, какъ знакъ особаго вниманія.

Въ иныхъ, исключительныхъ случаяхъ, царица принимала и иноземныхъ пословъ, вселенскихъ патриарховъ и другихъ лицъ царскаго достоинства: Софья Палеологъ принимала венеціанскаго посла (Конторини) и цесарскаго (Юрія Делатора). Елена Васильевна (Глинская), вдова Василя III, принимала Шигъ-Амеву царицу Фатму Салтанъ въ присутствіи маленькаго царевича Ивана, угощала обѣдомъ, подносила подарки. Позже Марья Ильинична (Милославская) принимала (8 янв. 1654 г.) Грузинскую царицу Елену Леонтьевну въ Золотой палатѣ въ присутствіи царя. У царицы, какъ и у царя совершались кромѣ того, не лично впрочемъ, а при посредствѣ лицъ своего придворнаго чина, приѣмы повседневные, комнатные—имянинниковъ и имянинницъ среди бояръ думныхъ и близкихъ людей, бывшихъ челомъ и подносившихъ *имянинные калачи*; царица въ свою очередь дарила имянинниковъ и спрашивала о здоровьи. Точно также случалось царицѣ принимать и крестьянъ изъ своихъ вотчинъ (с. Рубцова, с. Измайлова и др.), приходившихъ съ *тироюмъ* ударить челомъ...

II.

Одежда царская, по византійскому образцу, заготовлялась въ царскихъ же покояхъ и въ особыхъ дворахъ. *Льтникъ* съ длинными рукавами, расшитый золотомъ напоминалъ *сакошь* первыхъ вѣковъ христіанства; впрочемъ, въ то время и на Западѣ держались подобной же формы женской одежды. Германская императрица Теофанія на одномъ очень древнемъ окладѣ Евангелія (X в.) изображена въ костюмѣ, вполне подобномъ нарядамъ нашихъ царицъ XVI—XVII вв.

Покрой женской одежды, по теремному идеалу, долженъ былъ приближаться къ монастырскому, чтобы ни одной складкой не могла обнаружить формы стана, какъ равно румяна и бѣлила, сурмила, подкрашиваніе глазъ и т. п. скрывали природную бѣлизну и красоту лица. Царская одежда ничѣмъ рѣшительно не отличалась отъ одежды другихъ русскихъ женщинъ по формѣ: на длинную бѣлую помотняную сорочку одѣвалась *красная сорочка* изъ тафты съ длинными (4—6 арш.) рукавами, украшенными въ особенности на плечахъ богатымъ низаньемъ и золотымъ шитьемъ, которая поддерживалась поясомъ и носилась у

себя дома, а показаться людямъ, особенно мужчинамъ въ такомъ видѣ считалось зазорнымъ. Несчастное убійство Грознымъ своего сына Ивана случилось именно отъ того, что невѣстка показала на глаза царю въ такомъ нарядѣ, за что царь вспылѣлъ и ударилъ защищавшаго свою жену сына, а ударъ оказался роковымъ... *Тълоурья*—распашное платье, застегнутое спереди цѣнными пуговицами, почти до пятокъ, иногда безъ рукавовъ (сарафанъ)—дѣлалась изъ болѣе плотной ткани, парчи, бархата, атласа и т. п., подбивалась тафтой, а зимой мѣхомъ; *шубы*, въ родѣ порфирь царскихъ, распашныя, подбитыя горностаемъ съ широкимъ ожерельемъ (пелериной), украшеннымъ алмазами и жемчугомъ; верхнее платье *лѣтникъ*, о которомъ говорилось выше; *опашень* для выходовъ лѣтомъ, съ рукавами до подола, обшитаго золотымъ кружевомъ и жемчугомъ, а пуговицы изъ каменье въ золотыхъ гнѣздахъ (оправахъ). Чулки, башмаки, *черевичи*, родъ туфель съ острыми загнутыми носками, шитые золотомъ и жемчугомъ съ настолько высокими каблукѣми, что, по народному выраженію, „подъ пята—пята воробей пролетитъ, яйцо прокати“; *четыи*—сафьяновые чулки и *чоботы*, родъ сапогъ, составляли обувь царицъ и царевенъ. Но самые пышные уборы были для головы. Замужнія женщины, а равно и царицы скрывали свои волосы въ *подубрусникъ*, родъ шапочки, а поверхъ него надѣвался *убрусъ*, родъ полотенца, расшитаго золотомъ и каменьями, и *кика*; эти убрусы составляли вѣнецъ брачной жизни, укрывали всю голову до плечъ, оставляя открытымъ лишь лицо; принадлежностью кики были *рясы*, длинныя нити, изъ низаннаго жемчуга и камней, спускавшіяся по сторонамъ до плечъ. Царевны, какъ и вообще взрослые дѣвицы, носили волосы открытыми, распущенными по плечамъ, завитыми въ кудри, или заплетенными въ одну и двѣ косы, перевитыя жемчужными нитями, съ лентами и золотыми кистями (косникъ) на концахъ; кудри сдерживались перевязкой, спадавшей отчасти на чело (челка) изъ ленты, унизанной жемчугомъ, или вѣнцомъ (металлическимъ) съ острыми углами, украшеннымъ яхонтами, жемчугомъ и каменьями.

Вотъ какъ описываетъ епископъ Арсеній, присутствовавшій (въ 1589 г.) при приѣмѣ патріарха константинопольскаго Іереміа, въ Золотой палатѣ царицы Ирины Ѳедоровны (Годуновой), ея нарядъ: „На головѣ она имѣла ослѣпительнаго блеска корону, которая составлена была искусно изъ драгоцѣнныхъ каменье въ и жемчугами была раздѣлена на 12 равныхъ башенокъ, по числу 12 апостоловъ... Въ коронѣ находилось множество карбункуловъ, алмазовъ, топазовъ и круглыхъ жемчуговъ (гурмыцкихъ); а кругомъ она была унизана

большими аметистами и сапфирами. Кромѣ того съ обѣихъ сторонъ ниспадали тройныя длинныя цѣпи (рясы), которыя были составлены изъ столь драгоцѣнныхъ каменевъ и покрыты круглыми, столь блестящими изумрудами, что ихъ достоинство и цѣнность были выше всякой оцѣнки. Чужестранцы почувствовали въ себѣ родъ *тихого ужаса* при видѣ такой пышности и великолѣпія. Одежда государыни, рукава которой достигали пальцевъ, была сдѣлана съ рѣдкимъ искусствомъ изъ толстой шелковой матеріи съ многими изящными украшеніями. Она (по краямъ) была искусно усажена драгоцѣнными жемчугами и посреди украшеній блистали превосходные драгоцѣнные каменья и яркіе карбункулы. Сверхъ этой одежды на царицѣ была мантия, другая, съ долгими рукавами, весьма тонкой матеріи, хотя съ виду очень простая и безыскусственная, но, на самомъ дѣлѣ, чрезвычайно дорогая и замѣчательная по множеству сапфировъ, алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, которыми она была покрыта (по краямъ). Такою же пышностью отличались башмаки, цѣпь (монисто) и діадема (ожерелье) царицы "... Арсеній говорить, что если бы у него было и десять языковъ, то онъ все таки не могъ бы рассказать о всѣхъ видѣнныхъ имъ богатствахъ у царицы. „Малѣйшей части этого великолѣпія достаточно было бы для украшенія десяти государей. При пріемѣ находилось и множество женщинъ, служившихъ царицѣ и всѣ онѣ съ головы до ногъ были одѣты въ бѣлое, подобное снѣгу платье безъ всякаго украшенія или убранства, и стояли со скрещенными на груди руками, потушивъ глаза“.

„Сводъ самой палаты, въ которую отворялась золотая дверь, казался, былъ облитъ золотомъ, украшенъ драгоцѣнными изображеніями и сдѣланъ до того искуснымъ образомъ, что въ немъ былъ какой-то чудный отголосокъ (тихія въ немъ звонко отзывались слова)... Среди другихъ внутреннихъ украшеній (деревья, виноградныя кисти, птицы), посреди свода находился левъ, который въ пасти держалъ кольцо свитаго змѣя, отъ котораго спускались внизъ многіе художественно сдѣланные и богато украшенные подсвѣчники“. Стѣны кругомъ украшены были драгоцѣнною мусією съ изображеніемъ дѣяній святыхъ и ликовъ ангельскихъ, мучениковъ, іерарховъ, а надъ великолѣпнымъ престоломъ (мѣстомъ царицы) „ярко горѣла каменьями драгими“ большая икона Пречистой Дѣвы съ Предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ и вокругъ ея лика св. угодники, въ золотыхъ вѣнцахъ, „по коимъ разсыпаны жемчугъ, яхонты и сапфиры. Полъ былъ устланъ персидскими коврами, ткаными шелкомъ и золотомъ, на которыхъ искусно были изображены охотники и звѣри всякаго рода“. Тутъ же

выступалъ величавый бояринъ (Дмитрій Ивановичъ Годуновъ), прося патриарха Геремію молиться о здравіи царя и царицы и о ихъ *чадородіи*. Патриарху поднесена была царицею золотая чаша, украшенная агатами и въ ней 6000 жемчужинъ. Кромѣ того царица просила благословить служащихъ ей женщинъ, изъ которыхъ каждая подносила по ширинкѣ (платку) золотомъ расшитой (Забѣлинъ).

Это описаніе даетъ намъ живую картину царской обстановки въ торжественныхъ случаяхъ. Теперь остается пройти въ теремъ царицы и посмотрѣть, какъ она проводила свои дни въ обыкновенное, непраздничное время.—

III.

Если царь почему-либо отсутствовалъ, то съ утра присылалъ справиться о здоровьи царицы черезъ людей близкихъ и боярынь, затѣмъ самъ приходилъ здороваться, и если царица не могла по нездоровью или другимъ причинамъ быть въ церкви, то онъ одинъ шелъ слушать церковную службу. Все утро до обѣда у царицы посвящалось различнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ руководѣніямъ, заготовленію различныхъ женскихъ нарядовъ, а равно и одежды царской. Царицына свѣтлица представляла обширное руководѣльное заведеніе, съ запасомъ „крояльныхъ“ (съ выкройками) книгъ: царица сама осматривала и выбирала узоры, легкія дорогія ткани, шелка, золото, серебро, жемчугъ, камни самоцвѣтные и т. п. Она сама нерѣдко по обѣщанію вышивала утварь для церквей и монастырей, а также кое-что изъ платья государю и дѣтямъ,—воротники, ширинки, полотенца и т. п. Всѣ эти принадлежности одежды и всякія украшенія хранились тутъ же въ палатахъ, въ особыхъ сундукахъ „кипарисныхъ“, окованныхъ бѣлымъ желѣзомъ, въ коробьяхъ ясеневыхъ новгородскихъ, въ ларцахъ, шкатулкахъ, обтянутыхъ бархатомъ и т. д. Царица была полная хозяйка—домодержица, она, а равно и царевны вникали въ придворное и вотчинное хозяйство, такъ въ с. Рубцовѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ, перешедшемъ отъ инокини Марѣы къ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, заводились по ея распоряженію пруды и сады; первые фрукты изъ послѣднихъ посылались любимымъ лицамъ. Царица разбирала и читала челобитныя, поданныя на ея имя, на которыхъ дьякъ ставилъ помѣту и выдавались пособія денежныя: гривна, алтынъ, полтина, иногда рубль. На царицѣ же лежала забота о ея домочадцахъ: малыхъ воспитать, дѣвицъ выдать замужъ, молодцевъ поженить, причемъ она сама производила смотрины невѣстъ и готовила свадебный нарядъ; жениху же смотрѣ

совершался *потайно*, т. е. такъ, что онъ не видѣлъ самой царицы, а лишь она его. Кромѣ того царицѣ часто приходилось крестить иновѣрокъ (татарокъ, калмычекъ, нѣмокъ и евреекъ), которыя получали платье, деньги и часто вмѣстѣ съ другими сиротами воспитывались во дворцѣ, а потомъ выдавались замужъ. Еще болѣе заботъ представляли для царицы ея родственницы, такъ называемыя „*верховныя боярышни*“, состоявшія при малолѣтнихъ царевнахъ для игръ, и забавъ. Затѣмъ ихъ выдавали замужъ, снабжая приданымъ и вотчинами...

Отбывъ торжественныя обѣды и приемы, вечера, особенно длинные осенніе, посвящались разнаго рода увеселеніямъ. Хотя церковь и Домострой и порицали всякія мірскія удовольствія: пустошныя бесѣды, смѣхотворенія, плясанія, скаканія, гудѣнія, пѣсни бѣсовскія и т. п. забавы, считая ихъ грѣхомъ и сѣтями дьявола; всякій радостный порывъ, даже поэтическое вдохновеніе надо было подавить въ себѣ, пребывая въ молитвѣ и молчаніи. Но, если и по монастырямъ люди, ушедшіе отъ всѣхъ соблазновъ міра, часто нарушали свои обѣты, то въ теремѣ царскомъ, такъ или иначе соприкасавшемся съ міромъ реальнымъ, по неволѣ поддавались соблюденію установившихся обычаевъ сѣдой старины; а природное влеченіе къ красотѣ и поэзій было наружу и жизнерадостное настроеніе брало верхъ надъ молчаніемъ и молитвою. Въ Переднихъ Сѣняхъ была устроена для царицы (Евдокіи) качель—самое старинное развлеченіе—обитая червчатымъ бархатомъ поверхъ сукна, а для царицы Анны Михайловны даже веревки обшиты были бархатомъ; зимою особенно на масляницѣ устраивались ледяныя „скатныя“ горы и происходило катанье на оленяхъ, которыхъ самоѣды пригоняли въ Москву для потѣхъ царскихъ. При дворѣ царицы содержались *ирщицы*, исполнявшія народныя игры и хороводы, а также *домраччи*—слѣпыя игрецы, которые подъ звуки *домры* (подобіе гитары) воспѣвали „старины и былины“, и народныя пѣсни. А такъ какъ народная пѣсня чутко относилась и къ современнымъ событіямъ, то въ ней часто воспѣвались и животрепещущія событія дня: дѣянія царя Грознаго, пріѣздъ Филарета изъ польскаго плѣна въ Москву, смерть Скопина-Шуйскаго, участь Ксеніи Годуновой и т. п. *Бахарки*—сказочницы занимали царицу и царевенъ сказками, особенно на сонъ грядущій; а верховныя богомолки рассказывали о своихъ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ. По записямъ придворнымъ видно, что покупались для царицы и карты, которыя очевидно также служили развлеченіемъ для царскаго терема.

Историческая литература Византіи ознакомила царскій теремъ и съ иною жизнью царицъ, а Софья Палеологъ, раздвинувъ и разукрасивъ теремъ, внесла и иной обиходъ въ отношенія подданныхъ къ своимъ государямъ и государынямъ. Разказы иностранныхъ пословъ объ иномъ житѣ королевъ и императрицъ на Западѣ, а позже разказы о томъ же своихъ русскихъ пословъ, побывавшихъ въ Польшѣ и во многихъ государствахъ Западной Европы, наконецъ образецъ иного житья-бытья иностранцевъ, постепенно населявшихъ Нѣмецкую слободу подъ самой Москвой—все это не могло не вліять на умы русскихъ людей, а въ частности на складъ понятій царицъ и царевенъ, вызывая болѣе смѣлыя отступленія отъ установившихся требованій Домостроя. Соблюдая съ одной стороны эти требованія, царскій дворецъ нерѣдко уклонялся отъ него, и откликаясь на запросы мірской жизни, отдавался забавамъ и утѣхамъ стараго времени, для чего существовала даже особая „Потѣшная“ палата. Во дворцѣ играютъ въ шашки, карты, шахматы; изъ дворца раздавались звуки органныя и еще Иванъ III выписывалъ изъ за границы органнаго играца. Горсей привезъ царю Ѳедору клавикорды и музыкантовъ на нихъ и толпа стекалась ко двору, чтобы ихъ послушать... Въ памяти жили и древніе пиры Владиміра Красное Солнышко, съ его чарами въ полтора ведра, когда силкомъ заставляли гостей не въ мѣру пить пиво, медъ и вина заморскія, добиваясь широкаго веселья. На смѣну этихъ пировъ явились такія же обильныя пиршества у боярства и въ царскихъ хоромахъ, на которыхъ часто напивались до того, что не помнили, какъ и домой вернулись, и такой пиръ считался наилучшимъ... Домострой говорилъ: „не реку не пити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое“. Церковь и поученія хотя и допускали питіе, „законно, и въ славу Божию, яко на веселіе намъ Богъ далъ“, но „да не упиваетеся въ пьянство“ позже... Такое чрезмѣрное опьяненіе не чуждо было и царскому терему, гдѣ для развлеченія, какъ и при царскомъ дворцѣ, держались шутихи, карлицы, дурки, арапки, слѣпыя и всякаго рода уроды. А придворные эти были весьма многочисленны: верхнія боярыни, у каждой царевны свои мамы, казначей, мастерицы, учительницы малолѣтнихъ царевенъ грамотѣ, псаломщицы, постельницы и т. п.; а изъ мужскаго чину: дворецкій, при немъ приказный дьякъ—писецъ царицы, стольники изъ дѣтей боярскихъ и т. п.—все это созерцало и раздѣляло потѣхи царскаго терема.

Въ такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ протекала жизнь царицы и царевенъ, пока не наступалъ конецъ, т. е. смерть, въ которой нерѣдко также искали причинъ отъ порчи и отравы. Похороны

царицъ совершались съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и царей, при чемъ на панихидахъ во дворцѣ могли присутствовать и царевны, но на похоронной церемоніи могли слѣдовать за гробомъ лишь царь и царевичъ-наслѣдникъ; гробъ сопровождали до самого Вознесенскаго монастыря—этой усыпальницы московскихъ княгинь: 38 гробницъ его вмѣщаютъ въ себѣ прахъ царственныхъ особъ женскаго пола. Построеніе этого монастыря приписывается благочестивой Евдокии, женѣ Донскаго, въ иночествѣ Евросиньи. По умершей царицѣ служились панихиды—справлялись третины, девятины, сорочины (40-й день), и еще вторыя сорочины и въ другіе поминальные и праздничные дни—то патриархомъ, то митрополитами, епископами и другими лицами изъ духовенства, которые получали за это большія суммы и присутствовали на поминальныхъ обѣдахъ; въ Панихидной и Сборной палатѣ, въ эти же дни панихидъ совершалось кормленіе нищихъ (иногда до 100) и раздача имъ милостыни; такая же милостыня раздавалась по тюрьмамъ, заключеннымъ, колодникамъ и въ богадѣльни.

Прослѣдимъ теперь жизнь и дѣятельность женщинъ изъ нынѣ царствующей династіи, царицъ и царевенъ, начиная съ ихъ прабабки Анастасіи Романовой, первой жены царя Ивана IV.

Глава вторая.

Прабабка Анастасія Романова и первые годы ея супружеской жизни. Переломъ въ характерѣ царя Ивана IV, печально отразившійся на царицѣ Анастасіи и ея преждевременная смерть.

I.

13 декабря 1546 г., когда царю Ивану IV исполнилось 16 лѣтъ, онъ позвалъ къ себѣ митрополита и объявилъ, что хочетъ жениться. Митрополитъ одобрилъ рѣшеніе юнаго царя и тотчасъ же разосланы были грамоты о сборѣ дѣвицъ для выбора царской невѣсты: „когда къ вамъ эта наша грамота придетъ, и у которыхъ изъ васъ будутъ дочери дѣвки, то вы бы съ ними сейчасъ же ѣхали въ городъ къ нашимъ намѣстникамъ на смотръ, а дочерей дѣвокъ у себя ни подъ какимъ видомъ не таили бы. Кто же изъ васъ дочь дѣвку утаитъ и къ намѣстникамъ нашимъ не повезетъ, тому отъ меня быть въ великой опалѣ и казни“ (Соловьевъ). Красота, дородность, хорошій цвѣтъ лица, подобающій ростъ, для чего давалась и мѣрка,—были главными требованіями при выборѣ царской невѣсты намѣстниками. Иванъ IV выбралъ себѣ въ

супруги дѣвушку изъ древняго московскаго боярскаго рода, Анастасію Романову.

Еще при дворѣ Ивана Калиты выдвигается Андрей Ивановичъ (Кобыла), сынъ, по сказанію, вышедшаго изъ Пруссіи (отъ литовъ) латышскаго вельможи Глянды Давидовича Камбила, пріѣхавшаго въ Россію въ 1280 г. и въ крещеніи получившаго имя Іоанна. Внукъ его, сынъ Андрея, Ѳеодоръ Романовъ (Кошка) былъ воеводой при Димитріи Донскомъ; дочь его была замужемъ за тверскимъ княземъ Ѳеодоромъ (Рюриковичемъ), а изъ пяти сыновей Иванъ пользовался вліяніемъ при Василии I; сынъ Ивана Захарій (отъ него пошелъ родъ Захарьиныхъ) былъ воеводою при Василии Темномъ, а сынъ Захарія Юрій (отъ него родъ Юрьевыхъ) былъ также воеводою при Иванѣ III. Изъ сыновей Юрія болѣе извѣстны два: Михаилъ близко стоявшій къ Василию III и Романъ (отъ него родъ Романовыхъ), служившій окольничимъ и воеводою при Иванѣ IV; о третьемъ братѣ ихъ Григоріи нѣтъ указаній. Сыновья Романа Даниилъ, дворецкій царскій, и Никита также служили при дворѣ царя Ивана IV. Никита заслужилъ особое расположеніе народа за его доброе вліяніе на царя, ибо онъ умѣлъ смягчать его гнѣвъ и уравнивать его необузданный нравъ. Кроткая же дочь Романа, Анастасія, избранная невѣста 16-лѣтняго царя и сама вѣроятно не будучи его старше, проживала съ матерью Ульяной Ѳеодоровной Захарьиной-Кошкиной, подъ опекой дяди своего Михаила. Отца ея, Романа Юрьевича, въ это время уже не было въ живыхъ.

16 января 1547 г. Иванъ вѣнчался на царство, при чемъ самъ возложилъ, по обычаю византійскихъ царей, себѣ на голову царскую корону. 3 же февраля того же года состоялась уже царская свадьба. Современники приписывали Анастасіи всѣ женскія добродѣтели: цѣломудріе, смиреніе, набожность, чувствительность, благость, соединенныя съ умомъ основательнымъ (Карамзинъ). Воспитанная безъ отца въ тиши и уединеніи, Анастасія перенесенная волею судьбы въ дворецъ царскій, оставалась вѣрной скромной жизни и древнимъ обычаямъ благочестія. Сохраненіе этихъ качествъ цѣнилось тѣмъ болѣе, что ей приходилось жить бокъ о бокъ съ пылкимъ, необузданнымъ супругомъ, съ гордостью возносившимъ себя какъ вѣнчаннаго царя надъ всѣми окружающими, непрестанно проявлявшаго своеволіе и часто кипѣвшаго гнѣвомъ... Свадебныя торжества, по случаю которыхъ юный царь сыпалъ милости на богатыхъ, а царица питала нищихъ, продолжались недолго. 12 апрѣля вспыхнулъ сильный пожаръ Москвы, 20 апрѣля—другой; 3 іюня упалъ большой колоколъ—благовѣстникъ; 21 новый

страшный пожаръ, при чемъ горѣли церкви, оружейная палата и погибло множество людей (1700 чел.). Царь съ женою и братомъ (Юриемъ) уѣхали на Воробьевы горы. И оттуда изъ оконъ дворца своего, по свойственному его натурѣ художественному чутью, онъ любовался великолѣпной картиною пожара и тѣмъ потокомъ огня, который, освѣщая обширный небосклонъ рисовалъ передъ нимъ всю Москву, какъ на ладони. Царица же въ это самое время молилась... Нѣсколько отрезвляющихъ словъ попа Сильвестра, сумѣвшаго выставить яркую картину всѣхъ бѣдствій пожара для народа и царства, заставили царя опомниться и въ его юной воспріимчивой душѣ совершился вдругъ тотъ переломъ къ лучшему, благодаря которому нѣсколько слѣдовавшихъ за этимъ событіемъ лѣтъ правленія Ивана IV становятся благодѣтельными для Московскаго государства.

Первые два года у юныхъ супруговъ не было дѣтей и они, по примѣру отцовъ, стали усердно молиться о своемъ неплодіи: царь совершаетъ обѣтное путешествіе съ царицей пѣшкомъ къ Троицѣ (21 іюня 1548 г.), а нѣкоторое время спустя (14 сент.) царица одна совершаетъ туда-же новое богомолье, а царь слѣдуетъ за нею. Черезъ годъ послѣ этого (10 авг. 1549 г.) у царицы родилась дочь Анна; въ честь этого радостнаго событія заложенъ былъ обѣтный храмъ во имя Іоакима и Анны, гдѣ и крестили новорожденную царевну. Но эта послѣдняя черезъ годъ скончалась, какъ равно и вторая дочь, Марья, родившаяся 17 марта 1551 г. и умершая въ младенствѣ. Только третій ребенокъ, родившійся въ 1552 г. былъ наконецъ давно желаннымъ наслѣдникомъ, о рожденіи котораго царь узналъ на возвратномъ пути съ удачнаго Казанскаго похода. Сравнивая свою побѣду съ побѣдой надъ Мамаемъ, царь назвалъ сына въ память прародителя Донскаго, Димитріемъ. Его возили крестить въ Троицкій монастырь, у гроба преподобнаго Сергія.

II.

Вскорѣ по возвращеніи съ Казанскаго похода царь опасно заболѣлъ и когда ослабѣлъ настолько, что не могъ ни двинуться, ни вымолвить слова, вокругъ одра казавшагося умирающимъ царя, собрались придворные и затѣяли споръ о передачѣ престола двоюродному брату царя, Владиміру Андреевичу, вполне взрослому и самостоятельному правителю, помимо еще младенца, сына Иванова Дмитрія, что влекло за собою временное правленіе его матери, Анастасіи, и могло бы вызвать тѣ же интриги и бѣдствія, какія были въ правле-

ніе Елены Глинской во время малолѣтства самого Ивана. Даже повидимому самые близкіе къ царю люди, Сильвестръ и Адашевъ стояли за передачу правленія Владиміру Андреевичу. Но царь не умеръ и, выздоровѣвъ, затаилъ злобу противъ боярства вообще и тѣхъ лицъ въ особенности, которые шли противъ его прямого наслѣдника, Дмитрія, и его жены Анастасіи. Онъ увидѣлъ въ этомъ явную измѣну его царскому роду и особенно возсталъ на защиту Анастасіи. Въ своихъ отвѣтныхъ посланіяхъ къ Курбскому, 18 лѣтъ спустя послѣ смерти Анастасіи, Иванъ писалъ: „Зачѣмъ вы разлучили меня съ моей женой? только бы у меня не отняли юницы моей, кровавыхъ жертвъ (боярскихъ казней) не было бы“. Вообще въ обращеніи съ женой Иванъ IV обнаруживаетъ теплоту и нѣжность. Уходя въ походъ подъ Казань, онъ разрѣшаетъ ей миловать опальныхъ и „давать свободу заключеннымъ“. Анастасія же плачетъ при разставаніи съ супругомъ. Первую свою жену Иванъ IV любилъ какой то особенно чувствительной любовью.

Тотчасъ по выздоровленіи, царь выполняетъ прежде всего данный въ болѣзни обѣтъ и весной ѣдетъ съ женой и младенцемъ Дмитріемъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь молиться по случаю выздоровленія. На возвратномъ пути оттуда къ великой горести родителей царевичъ Дмитрій скончался (въ іюнѣ 1553 г.) 9-ти мѣсяцевъ отъ роду. По нѣкоторымъ даннымъ онъ утонулъ при переправѣ.

Тогда снова начались путешествія по монастырямъ и угодникамъ (Леонтію въ Ростовъ, Никитѣ въ Переяславль), съ мольбою о дарованіи чадъ, причемъ эти обѣтныя путешествія сопровождались щедрою раздачею даровъ и милостыни. 28 марта 1554 г. родился царевичъ Иванъ, позже царевна Евдокія и еще царевичъ Ѳеодоръ (11 мая 1557 г.); но царевна на третьемъ году скончалась, оба же царевича достигли возмужалаго возраста; извѣстна, впрочемъ, трагическая смерть царевича Ивана отъ руки отца; оставался лишь слабоумный и слабодушный „постникъ и молчальникъ“ Ѳеодоръ, съ которымъ и прекратилась династія Рюриковичей (1598 г.).

Послѣ рожденія шестого своего ребенка, царевича Ѳедора, царица Анастасія стала хворать все чаще и чаще, быть можетъ подъ вліяніемъ тяжелой атмосферы придворныхъ интригъ и вражды къ ея родственникамъ Захарьинымъ-Юрьевымъ, и перемѣны въ характерѣ самого Ивана;—его ожесточеніе противъ бояръ и начавшіяся ссылки и казни не могли не отразиться на кроткой и незлобивой природѣ

царицы. Приверженцы и совѣтники Сильверстра недолюбливали Анастасію, сравнивали ее съ Евдокією, женой византійскаго императора Аркадія, гонительницею Златоустаго, олицетворя послѣдняго съ Сильвестромъ; Курбскій въ своихъ письмахъ къ царю, далеко не лестно отзывается о братьяхъ царицы, которые, въ случаѣ смерти царя, конечно, захватятъ въ свои руки власть. Иванъ IV говорилъ защитникамъ царевича и Анастасіи: „не дайте боярамъ сына моего извести, но бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ вамъ укажетъ“, а Захарьиныхъ онъ умолялъ положить головы свои прежде, чемъ дать жену его въ поруганіе боярамъ (Соловьевъ). По заявленію царя, во время обратнаго пути съ больною Анастасією изъ Можайска (въ ноябрѣ 1559 г.), она „за одно малое слово“ съ ея стороны явилась имъ (Сильвестру и его совѣтникамъ) неудобною;— „за одно маловатое слово ея, писалъ онъ Курбскому, они разсердились... и воздвигли сильную ненависть на нее, уподобляя ее всѣмъ нечестивымъ царицамъ“...

Царю въ это время было уже 28 лѣтъ, его смущали, раздражали и сердили безпрестанныя угрозы: „кричатъ мнѣ, что душа то моя погибнетъ, царство то разорится“, говоритъ Иванъ, намекая на Сильвестра. „Заболѣю-ли я, или царица или дѣти—все это по вашимъ (Сильвестра и его совѣтниковъ) словамъ было наказаніе Божіе за наше непослушаніе вамъ“, говоритъ Иванъ въ другомъ мѣстѣ своихъ посланій къ Курбскому. Весной 1560 г. удаляется въ почетную ссылку, воеводою въ Ливонію, Адашевъ, а вскорѣ затѣмъ сначала добровольно уходитъ, а потомъ ссылается и Сильвестръ; такимъ образомъ недоброжелатели Анастасіи и ея родственниковъ не смущаютъ болѣе ея души. Но уже въ іюлѣ 1560 г. царица занемогла тяжелою болѣзнью, усиленною вдобавокъ испугомъ. Загорѣлся Арбатъ, тучи дыма неслись прямо на Кремль и всѣ усилія потушить пожаръ казались напрасными. Испуганную и больную царицу поспѣшно вывезли въ с. Коломенское; отъ страха и сильной тревоги ей стало хуже. Медики не могли ей помочь и 7-го августа 1560 г. въ 5 ч. дня она скончалась.

Анастасія какъ бы унесла съ собою въ могилу лучшіе порывы души Ивана, вокругъ котораго образовалась пустота: прежніе уважаемые и любимые совѣтники удалились, къ новымъ людямъ, его окружавшимъ, не было уваженія и привязанности, нѣжно любимой жены не стало и царь весь отдался своимъ природнымъ страстямъ. Позже передъ соборомъ, въ покаянной рѣчи своей, прося разрѣшенія вступить въ четвертый бракъ, Иванъ IV говоритъ объ Анастасіи что прожилъ съ нею *любовно* тринадцать съ половиною лѣтъ; но, „враждицѣ

навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами царицу Анастасію извели“. Хотя смерть и второй жены Ивана (Маріи черкешенки Темрюковой) и третьей (Марѣы Собакиной) онъ также объяснялъ отравой и такое объясненіе было обычнымъ, какъ мы говорили выше, въ обстановкѣ и въ условіяхъ жизни царскаго терема. Обычнымъ было и то, когда царь четвертую свою жену (Анну Колтовскую) черезъ три года послѣ брака заключилъ въ монастырь. Но насильственная смерть на второй день послѣ брака, пятой жены Грознаго (Марьи Долгоруковой), которую велѣно было „затиснуть въ колымагу, повезти на бѣшеныхъ коняхъ и опрокинуть въ воду“ (Мордовцевъ)—превосходила уже всѣ суровости домостроевскаго быта и приводила въ ужасъ современниковъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ личности Анастасіи Романовой, надо замѣтить, что хотя бояре и другіе лица, близкіе съ Сильвестру и переносили на нее нелюбовь свою къ ея родственникамъ, имѣвшимъ большое подчасъ вліяніе на царя, но особой злобы къ ней лично не питали и лѣтописецъ хвалить ее, говоря: „предобрая Анастасія наставляла и приводила Іоанна на всякія добродѣтели“. Когда она умерла не одинъ дворъ, а вся Москва погребала свою первую любезнѣйшую царицу. Когда несли ея тѣло въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь, народъ не давалъ пути ни духовенству, ни вельможамъ, тѣсняя на улицахъ ко гробу. Всѣ плакали и всѣхъ неутѣшише бѣдныя, нищія называли Анастасію именемъ матери. Они не принимали даже раздаваемой имъ обычной милостыни, „чуждаясь всякой отрады въ сей день печали“. Царя за гробомъ вели подъ руки, онъ стоналъ и рвался: „одинъ митрополить, самъ обливаясь слезами, дерзалъ напомнить ему о твердости христіанина“... „Со смертью Анастасіи, Іоаннъ лишился не только супруги, но и добродѣтелей“, замѣчаетъ Карамзинъ.

Эта общая скорбь, эта толпа народа, эти нищія и убогіе, пришедшіе на погребеніе не для милостыни, все это явно свидѣтельствуесть намъ, что кроткая и добрая первая русская царица была искренно любима своими подданными и именно этотъ образъ свой „кроткой и доброй царицы“ она сохранила въ памяти потомства и въ исторіи. Возможно также, что эта добрая память объ Анастасіи сыграла свою роль и при выборѣ царя изъ ея рода Романовыхъ въ 1613 году.

Здѣсь уместно будетъ упомянуть и о родной племянницѣ царицы Анастасіи, Анастасіи Никитишнѣ Романовой, на попеченіи которой отданъ былъ отнятый у родителей, постриженныхъ силою при Борисѣ Го-

дуновъ въ монашество, пятилѣтній въ то время Михаилъ Θεодоровичъ, причемъ тетка съ племянникомъ и родною сестрою Марѳою Никитишной Черкасскою отправлены на Бѣлоозеро и вернулись въ Москву вѣроятно лишь съ воцареніемъ Димитрія Самозванца, возвративъ Михаила матери, инокинѣ Марѳѣ Іоанновнѣ. Обѣ племянницы погребены въ Новоспасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, гдѣ покоится прахъ ихъ дѣда и отца и многихъ близкихъ изъ ихъ рода.

А. Иконникова.

